

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ / ПЕТЕРБУРГЪ / МОСКВА
1923

Alle Rechte,
einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten

✱

Copyright 1923
by Z. J. Grisebin Verlag, Berlin

Печать Библиографического Института
въ Лейпцигѣ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

МУЗЫКА

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по тѣлу бродить лѣнь,
У Благовѣщенья на Бережкахъ обѣдня
Еще не отошла. Я выхожу во дворъ.
Какъ мало все: и домикъ, и дымокъ,
Завившійся надъ крышей! Сребророзовъ
Морозный паръ. Столпы его восходятъ
Изъ-за домовъ подъ самый куполъ неба,
Какъ-будто крылья ангеловъ гигантскихъ.
И маленькимъ такимъ вдругъ оказался
Дородный мой сосѣдъ Сергѣй Иванычъ.
Онъ въ полушубкѣ, въ валенкахъ. Дрова
Вокругъ него раскиданы по снѣгу.
Объими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колунъ надъ головою
Заноситъ онъ, но — тукъ! тукъ! тукъ! —
не громко
Звучать удары: небо, снѣгъ и холодъ
Звукъ поглощаютъ... «Съ праздникомъ, сосѣдъ.»
«А, здравствуйте!» — Я тоже разставляю
Свои дрова. Онъ — тукъ! Я — тукъ! Но вскорѣ
Надоѣдаетъ мнѣ колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-на минутку,

Какъ-будто музыка?» Сергѣй Ивановичъ
Перестаетъ работать, голову слегка
Приподымаетъ, ничего не слышитъ,
Но слушаетъ старательно... «Должно быть,
Вамъ показалось», говоритъ онъ. — «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Такъ ясно слышно!»
Онъ слушаетъ опять: «Ну, можетъ быть —
Военнаго хоронять? Только что-то
Мнѣ не слыхать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсѣмъ ужъ ясно.
И музыка идетъ какъ-будто сверху.
Виолончель... и арфы, можетъ быть...
Вотъ хорошо играютъ! Не стучите». —
И бѣдный мой Сергѣй Ивановичъ снова
Перестаетъ колотъ. Онъ ничего не слышитъ,
Но мнѣ мѣшать не хочетъ и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоитъ онъ посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонію. И жалко
Мнѣ, наконецъ, становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры беремъся. Тукъ! Тукъ! Тукъ!...

А небо

Такое же высокое, и такъ же
Въ немъ ангелы пернатые сіяютъ.

1920.

Лэди долго руки мыла,
Лэди крѣпко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленнаго горла.

Лэди, лэди! Вы какъ птица
Бьетесь на безсонномъ ложѣ.
Триста лѣтъ ужъ вамъ не спится —
Мнѣ лѣтъ шесть не спится тоже.

1921.

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормленъ. Она
Свивальники мнѣ грѣла надъ лежанкой,
Крестила на ночь отъ дурного сна.

Она не знала сказокъ и не пѣла,
За то всегда хранила для меня
Въ завѣтномъ сундукѣ, обитомъ жестью бѣлой,
То пряникъ вяземскій, то мятнаго коня.

Она меня молитвамъ не учила,
Но отдала мнѣ безраздѣльно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

Лишь разъ, когда упалъ я изъ окна,
Но всталъ живой (какъ помню этотъ день я!)
Грошевую свѣчу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вотъ, Россія, «громкая держава»,
Ея сосцы губами теребя,
Я высосалъ мучительное право
Тебя любить и проклинять тебя.

Въ томъ честномъ подвигѣ, въ томъ счастья
пѣснопѣннѣй,
Которому служу я въ каждый мигъ,
Учитель мой — твой чудотворный геній,
И поприще — волшебный твой языкъ.

И предъ твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей языкъ, завѣщанный вѣками,
Любовнѣй и ревнивѣй берегу...

Года бѣгутъ. Грядущаго не надо,
Минувшее въ душѣ пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мнѣ прибѣжище одно:

Тамъ, гдѣ на сердцѣ, съѣденномъ червями,
Любовь ко мнѣ нетлѣнно затая,
Спать рядомъ съ царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

1922.

Такъ бываетъ почему то:
Ночью, чуть забрезжатъ сны —
Сердце словно вдругъ откуда-то
Упадаетъ съ вышины.

Ахъ — и я въ постели. Только
Сердце бьется невпопадъ.
Въ полутьмѣ съ ночного столика
Смутно смотреть циферблатъ.

Только ощущеньемъ кручи
Ты еще трепещешь вся —
Легкая моя, падучая,
Милая душа моя!

1920.

КЪ ПСИХЕЪ

Душа! Любовь моя! Ты дышешь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкія колышешь
Въ такой лазури, что порой,

Вдругъ, не стерпя счастливой муки,
Лелѣя нашъ святой союзъ,
Я самъ себѣ цѣлую руки,
Самъ на себя не наглядяжусь.

И какъ мнѣ не любить себя,
Сосудъ непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тѣмъ, что вмѣщаетъ онъ—тебя?

1920.

ДУША

Душа моя — какъ полная луна:
Холодная и ясная она.

На высотѣ горитъ себѣ, горитъ —
И слезъ моихъ она не осушить;

И отъ бѣды моей не больно ей,
И ей невнятенъ стонъ моихъ страстей;

А сколько здѣсь мнѣ довелось страдать —
Душѣ сіяющей не стоитъ знать.

1921.

Психея! Бѣдная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смѣть и не хотеть:
Заслушаться такъ жутко ей
Тѣмъ, что́ безмолвіе пророчитъ
Въ часы мучительныхъ ночей.

Увы! за что, когда все спитъ
Ей вдохновеніе твердитъ
Свои пиѳійскіе глаголы?
Простой душѣ невыносимъ
Даръ тайнослышанья тяжелый.
Психея падаетъ подъ нимъ.

1921.

ИСКУШЕНИЕ

«Довольно! Красоты не надо.
Не стоит пѣсенъ подлый міръ.
Померкни, Тассова лампада, —
Забудься, другъ вѣковъ, Омиръ!

«И Революціи не надо!
Ея разсѣянная рать
Одной вѣнчается наградой,
Одной свободой — торговать.

«Вотще на площади пророчить
Гармоніи голодный сынъ:
Благихъ вѣстей его не хочетъ
Благополучный гражданинъ.

«Самодовольный и счастливый,
Подъ грудой выцвѣтшихъ знаменъ,
Коросту хамства и наживы
Себѣ начесываетъ онъ;

«— Прочь, не мѣшай мнѣ, я торгую.
— Но не буржуй, но не кулакъ,
— Я прячу выручку дневную
— Свободы въ огненный колпакъ.

«Душа! Тебѣ до боли тѣсно
Здѣсь, въ опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,
А внизъ, на землю, не гляди».

Такъ искушаетъ сердце злое
Психей чистыя мечты.
Психея же въ отвѣтъ: — Земное,
Что о небесномъ знаешь ты?

1921.

Пускай минувшаго не жаль,
Пускай грядущаго не надо, —
Смотрю съ язвительной отрадой
Временъ въ приближенную даль.
Всѣмъ равный жребій, вровень хлѣба
Отмѣритъ справедливый вѣкъ.
А все-таки порой на небо
Посмотритъ смирный человѣкъ, —
И одиночество разыграетъ,
И душу гордость окрылитъ:
Онъ неравенство оцѣнитъ
И дерзновенья пожелаетъ...
Такъ нынче травка прорастаетъ
Сквозь трещины гранитныхъ плитъ.

1920.

БУРЯ

Буря! Ты армады гонишь
По разгнѣваннымъ водамъ,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прахъ подъемлешь къ небесамъ.

Рѣки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понтъ,
У старушки вырываешь
Ветхій, вывернутый зонть.

Вѣковыя рощи косишь,
Градомъ бьешь посѣвъ полей, —
Только мудрымъ не приносишь
Ни веселій, ни скорбей.

Мудрый подойдетъ къ окошку,
Поглядитъ, какъ бьетъ гроза, —
И смыкаетъ понемножку
Пресыщенные глаза.

1921.

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моихъ твореній не понять.

Довольный малымъ, созерцаю
То, что даетъ нещедры рокъ:
Вязъ, прислонившійся къ сараю,
Покрытый лѣсомъ бугорокъ...

Ни грубой славы, ни гоненій
Отъ современниковъ не жду,
Но самъ стригу кусты сирени
Вокругъ террасы и въ саду.

1921.

ГОСТЮ

Входя ко мнѣ, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если самъ ты Божій.
А маленькую доброту,
Какъ шляпу, оставляй въ прихожей.

Здѣсь, на горошинѣ земли,
Будь или ангелъ, или демонъ.
А человѣкъ — иль не затѣмъ онъ,
Чтобы забыть его могли?

1921.

Когда бь я долго жилъ на свѣтѣ,
Должно быть, на исходѣ дней
Упали бы соблазновъ сѣти
Съ несчастной совѣсти моей.

Какая можетъ быть досада,
И счастья развѣ хочешь самъ,
Когда нездѣшняя прохлада
Уже бѣжить по волосамъ?

Глазъ отдыхаетъ, слухъ не слышитъ.
Жизнь потаенно хороша,
И небомъ невозбранно дышетъ
Почти свободная душа.

1921.

ЖИЗЕЛЬ

Да, да! Въ слѣпой и нѣжной страсти
Переболѣй, перегори,
Рви сердце, какъ письмо, на части,
Сойди съ ума, потомъ умри.

И что жъ? Могильный камень двигать
Опять придется надъ собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сценѣ лунно-голубой.

1922.

ДЕНЬ

Горячій вѣтеръ, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
Къ чему, душа, твои порывы?
Куда еще стремишься ты?

Здѣсь хорошо. Вкушаетъ лира
Свой усыпительный покой
Во влажномъ сладострастья міра,
Въ лѣнливой прелести земной.

Здѣсь хорошо. Грозы раскаты
Надъ ясной улицей ворчатъ,
Идутъ подъ музыку солдаты,
И бѣсы юркіе кишатъ:

Тамъ разноцвѣтныя афиши
Спѣшатъ расклеить по стѣнамъ,
Тамъ скатываются по крышѣ
И падаютъ къ людскимъ ногамъ.

Тотъ ловить мухъ, другой танцуетъ,
А этотъ, съ мордочкой тупой,
Безстыжимъ всадникомъ гарцуетъ
На бедрахъ вѣдьмы молодой...

И вѣрно, долго не прервется
Блестательная кутерьма,
И съ грохотомъ не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

И солнце не устанетъ парить,
И попь, деньку такому радъ,
Не догадается ударить
Надъ этимъ городомъ въ набатъ.

1921.

ИЗЪ ОКНА

1

Нынче день такой забавный:
Отъ возницъ, что̀ было силь,
Конь умчался своенравный;
Мальчикъ змѣй свой упустилъ;
Воръ цыпленка утащилъ
У безносой Николавны.

Но — настигнуть воръ нахальный,
Змѣй упалъ въ сосѣдній садъ,
Мальчикъ ладить хвостъ мочальный,
И коня ведутъ назадъ:
Возстаетъ мой тихій адъ
Въ стройности первоначальной.

2

Все жду: кого-нибудь задавить
Взбѣсившійся автомобиль,
Зѣвака блѣдный окровавить
Торцовую сухую пыль.

И съ этого пойдетъ, начнется:
Раскачка, выворотъ, бѣда,
Звѣзда на землю оборвется,
И станетъ горькою вода.

Прервутся сны, что́ душу душать.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушать,
Какъ утромъ — лишнюю свѣчу.

1921.

ВЪ ЗАСЪДАНИИ

Грубой жизнью оглушенный,
Нестерпимо уязвленный,
Опускаю вѣки я —
И дремлю, чтобъ легче минулъ,
Чтобы какъ отливъ отхлынулъ
Шумъ земного бытія.

Лучше спать, чѣмъ слушать рѣчи
Злобной жизни человѣчьей,
Малыхъ правдъ пустую прю.
Все я знаю, все я вижу —
Лучше сномъ къ себѣ приближу
Неизвѣстную зарю.

А ужъ если сны приснятся,
То пускай въ нихъ повторятся
Дѣтства давніе года:
Снѣгъ на дворикѣ московскомъ,
Иль — въ Петровскомъ-Разумовскомъ
Парь надъ зеркаломъ пруда.

1921.

Ни розоваго сада,
Ни пѣсеннаго лада
Во истину не надо —
Я падаю въ себя.

На все, что людямъ ясно,
На все, что имъ прекрасно,
Вдругъ стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мнѣ все невыносимо!
Скорѣй же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

1921.

СТАНСЫ

Бывало, думалъ: ради мига
И годъ, и два, и жизнь отдамъ...
Цѣны не знаетъ прощальга
Своимъ прибуднымъ пятакамъ.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возлѣ губъ,
Мои минуты вадорожали,
Я сталъ уменъ, суровъ и скупъ.

Я много вижу, много знаю,
Моя сѣдѣть голова,
И звѣздный ходъ я примѣчаю,
И слыщу, какъ растеть трава.

И каждый вамъ неслышный шопоть,
И каждый вамъ незримый светъ,
Обогащаютъ смутный опытъ
Психеи, падающей въ бредъ.

Теперь себя я не обижу:
Старѣю, горблюсь, — но коплю
Все что такъ нѣжно ненавижу
И такъ язвительно люблю.

1922.

ПРОБОЧКА

Пробочна надъ крѣпкимъ іодомъ!
Какъ ты скоро перетлѣла!
Такъ вотъ и душа незримо
Жжетъ и разъѣдаетъ тѣло.

1921.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

Мнѣ каждый звукъ терзаетъ слухъ,
И каждый лучъ глазамъ несносенъ.
Прорѣзываться началъ духъ,
Какъ зубъ изъ-подъ припухшихъ десенъ.

Прорѣжится — и сброситъ прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокій — канетъ въ ночь,
Не въ эту сѣренькую ночку.

А я останусь тутъ лежать —
Банкиръ, заколотый апашемъ, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться въ міръ вашемъ.

1921.

ЛАСТОЧКИ

Имѣй глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тѣмъ воспаленнымъ дискомъ.
Двѣ ласточки напрасно рвутся прочь,
Передъ окномъ шныряя съ тонкимъ пискомъ.

Вонъ ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крыломъ остроугольнымъ,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьимъ крылышкомъ, ни сердцемъ
подневольнымъ.

Пока вся кровь не выступитъ изъ поръ,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духомъ. Жди, смотря въ упоръ,
Какъ брызжетъ свѣтъ, не застилая ночи.

1921.

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнемъ изъ пращи,
Звѣздой, сорвавшейся въ ночи...
Самъ затерялъ — теперь ищи...

Богъ знаетъ, что себѣ бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

1921.

Смотрю въ окно — и презираю.
Смотрю въ себя — презрѣнъ я самъ.
На землю громы призываю,
Не довѣряя небесамъ.

Дневнымъ сіяніемъ объятый,
Одинъ беззвѣднѣй вижу мракъ...
Такъ вьется на грядѣ червякъ,
Разсѣченъ тяжкою лопатой.

1921.

СУМЕРКИ

Снѣгъ навалилъ. Все затихаетъ гложнетъ.
Пустынный тянется вдоль переулка домъ.
Вотъ человѣкъ идетъ. Пырнуть его ножемъ —
Къ забору прислонится и не охнетъ.
Потомъ опустится и ляжетъ внизъ лицомъ.
И вѣтерка дыханье снѣговое,
И вечера чуть уловимый дымъ —
Предвѣстники прекраснаго покоя —
Свободно такъ закружатся надъ нимъ.
А люди черными сбѣгутся муравьями
Изъ улицъ, со дворовъ, и станутъ между нами.
И будутъ спрашивать, за что и какъ убилъ, —
И не пойметъ никто, какъ я его любилъ.

1921.

ВАКХЪ

Какъ волшебникъ, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вамъ азійскую лозу.

Вѣтку чудную привейте,
А когда настанетъ срокъ,
Въ чаши чистыя налейте
Мой животворящій сокъ.

Лейте женамъ, пейте сами,
Лейте дѣвамъ молодымъ.
Самъ я буду между вами
Съ золотымъ жезломъ моимъ.

Подскажу я пѣсни хору,
Въ свѣтломъ буйствѣ закружу,
Отуманенному взору
Дивно все преобразу.

И дана вамъ будетъ сила
Знать, что скрыто отъ очей,
И ни старость, ни могила
Не смутятъ моихъ дѣтей.

Ни змѣя васъ не ужажить,
Ни печаль — покуда хмель
Всѣхъ счастливецъ не повалить
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой рѣзвой,
Въ розовѣющій туманъ,
Сколько бы ни выпилъ — трезвый,
Лишь самимъ собою пьянъ.

1921.

ЛИДА

Высокихъ словъ она не знаетъ,
Но грудь бѣла и высока
И сладострастно въздыжаетъ
Изъ-подъ кисейнаго платка.
Ея стопы порою босы,
Ея глаза слегка раскосы,
Но сердце тѣмъ вѣрнѣй летить
На ихъ двусмысленный магнитъ.
Когда поютъ ея подруги
У полунощнаго костра,
Она молчить, скрестивши руки,
Но хочетъ пѣсень до утра.
Гитарный голосъ ей понятенъ
Отзвонъ роковыхъ страстей,
И говорятъ, не мало пятенъ —
Разгулу отданныхъ ночей —
На женской совѣсти у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условнымъ стукомъ на крыльцо,
Ея ночей не покупаю
Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мнѣ ея явленье,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:
Она проходить въ отдаленьи,
Едва слышна, почти свѣтла,
Какъ-будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

1921.

БѢЛЬСКОЕ УСТЬЕ

Здѣсь даль видна въ просторной рамѣ:
За рѣчкой лугъ, за лугомъ лѣсъ.
Здѣсь ливни черными столпами
Проходятъ по краямъ небесъ.

Здѣсь радуга высокимъ сводомъ
Церковный покрываетъ крестъ,
И каждый праздникъ по приходамъ
Справляютъ ярмарки невѣсть.

Здѣсь аисты, болота, змѣи,
Крутой песчаный косогоръ,
Простыя сельскія затѣи,
Объ урожаѣ разговоръ.

А я росистыя поляны
Топчу тяжелымъ башмакомъ,
Я петербургскіе туманы
Таю любовно подъ плащомъ,

И къ дѣвушкамъ, румянымъ розамъ,
Склоняясь томною главой,
Дышу на нихъ туберкулезомъ,
И вдохновеньемъ, и Невой,

И мысля: что жъ, таковъ отъ вѣка,
Отъ самыхъ роковыхъ временъ,
Для ангела и человѣка
Непререкаемый законъ.

И тотъ, прекрасный неудачникъ
Съ печатью знанья на челѣ,
Былъ тоже — просто первый дачникъ
На расцвѣтающей землѣ.

Сойдя съ возвышеннаго Града
Въ долину мирныхъ райскихъ розъ,
И онъ дыханіе распада
На крыльяхъ дымчатыхъ принесъ.

1921.

Горитъ звѣзда, дрожитъ ээиръ,
Таится ночь въ пролеты арокъ.
Какъ не любить весь этотъ міръ,
Невѣроятный Твой подарокъ?

Ты далъ мнѣ пять невѣрныхъ чувствъ,
Ты далъ мнѣ время и пространство,
Играетъ въ маревѣ искусствъ
Моей души непостоянство.

И я творю изъ ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Такъ ослѣпляющаго взоры.

И разрушаю вдругъ шутя
Всю эту пышную нелѣпость,
Какъ рушить малое дитя
Изъ картъ построенную крѣпость.

1921.

Играю въ карты, пью вино,
Съ людьми живу — и лба не хмурю.
Вѣдь знаю: сердце все равно
Летитъ въ излюбленную бурю.

Лети, корабликъ мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нѣтъ на томъ пути,
Куда уносить вдохновенье.

Ужъ не вернуться намъ назадъ,
Хотя въ ненастье нашей ночи,
Быть можетъ, съ берега глядятъ
Одни, намъ вѣдомые, очи.

А нѣтъ — бѣды не много въ томъ!
Забыты мы — и то не плохо.
Вѣдь мы и гибнемъ, и поемъ
Не для дѣвическаго вѣдоха.

1922.

АВТОМОБИЛЬ

Бредемъ въ молчаніи суровомъ.
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдругъ — съ какимъ пѣвучимъ зовомъ —
Автомобиль изъ-за угла.

Онъ чернымъ лакомъ отливааетъ,
Сіяя гранями стекла,
Онъ въ сумракъ ночи простираетъ
Два бѣлыхъ ангельскихъ крыла.

И стали зданія похожи
На праздничныя стѣны залъ,
И близко возлѣ насъ прохожіи
Сквозь эти крылья пробѣжалъ.

А свѣтъ мелькнулъ и замаячилъ,
Колебля дождевую пыль...
Но слушай: мнѣ являться началъ
Другой, другой автомобиль.

Онъ пробѣгаетъ въ ясномъ свѣтѣ,
Онъ пробѣгаетъ бѣлымъ днемъ,
И два крыла на немъ, какъ эти,
Но крылья черные на немъ.

И все, что только попадаетъ
Подъ черный снопь его лучей,
Невозвратно исчезаетъ
Изъ утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею свѣтлую мою,
Слѣпя руки простираю
И ничего не узнаю:

Здѣсь міръ стоялъ, простой и цѣлый,
Но съ той поры, какъ ѣздитъ тотъ,
Въ душѣ и въ мірѣ есть пробѣлы,
Какъ бы отъ пролитыхъ кислотъ.

1921.

ВЕЧЕРЪ

Подъ ногами скользь и хрусть.
Вѣтеръ дунуль, снѣгъ пошелъ.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжекъ твой подлунный мѣръ,
Да и Ты немилосердъ.
И къ чему такая ширь,
Если есть на свѣтѣ смерть?

И никто не объяснить,
Отчего на склонѣ лѣтъ
Хочется еще бродить,
Вѣрить, коченѣть и пѣть.

1922.

ПОРОКЪ И СМЕРТЬ

Порокъ и смерть! Какой соблазнъ горить,
И сколько нѣгъ вѣдыхаетъ въ словѣ маломъ!
Порокъ и смерть язвятъ единымъ жаломъ,
И только тотъ ихъ язвы убѣжить,
Кто тайное хранитъ на сердцѣ слово —
Утѣшный ключъ отъ бытія иного.

1921.

ЭЛЕГІЯ

Деревья Кронверкскаго сада
Подъ вѣтромъ буйно шелестятъ.
Душа выиграла. Ей не надо
Ни утѣшеній, ни уладъ.

Глядитъ безстрашными очами
Въ тысячелѣтія свои,
Летитъ широкими крылами
Въ огнекрылатые рои.

Тамъ все огромно и пѣвуче,
И арфа въ каждой есть рукѣ,
И съ духомъ духъ, какъ туча съ тучей,
Гремятъ на чудномъ языкѣ.

Моя изгнанница вступаетъ
Въ родное, древнее жильѣ
И страшнымъ братьямъ заявляетъ
Равенство гордое свое.

И навсегда ужъ ей не надо
Того, кто подъ косымъ дождемъ
Въ аллеяхъ Кронверкскаго сада
Бредетъ въ ничтожествѣ своемъ.

И не понять мнѣ бѣднымъ слухомъ,
И коснымъ не постичь умомъ,
Какимъ она тамъ будетъ духомъ,
Въ какомъ раю, въ аду какомъ.

1921.

О. Д. Форшъ

На тускнѣющіе шпиды,
На верхи автомобилей,
На желѣзо старыхъ стрѣхъ
Налипаетъ первый снѣгъ.

Много разъ я это видѣлъ,
А потомъ возненавидѣлъ,
Но сегодня тотъ же видъ
Новымъ чѣмъ-то веселитъ.

Это самъ я въ годъ манушій,
Въ Божьи бездны соскользнувшій,
Пересоздалъ навсегда
Міръ, державшійся года.

И вотъ въ этомъ мірѣ новомъ,
Напряженномъ и суровомъ,
Нынче выпалъ первый снѣгъ...
Не такой онъ, какъ у всѣхъ.

1921.

МАРТЪ

Размякло, и раскисло, и размокло.
Отъ сырости такъ тяжело вздохнуть.
Мы въ тротуары смотримся, какъ въ стекла,
Мы смотримъ въ небо — въ небѣ дождь и муть...

Не чудно ли? Въ затоптанномъ и низкомъ
Свой горній ликъ мы нынче обрѣли,
А тамъ, на небѣ, близкомъ, слишкомъ близкомъ,
Все только то, что есть и у земли.

1922.

Старымъ снамъ затерянъ сонникъ.
Все равно — сбылись, иль нѣтъ.
Ночью сядь на подоконникъ,
Посмотри на тусклый свѣтъ.

Ничего, что такъ туманны
Небеса и времена:
Угадай-на постоянный
Видъ изъ нашего окна.

Вспомни все, что такъ недавно
Веселило сердце намъ:
Невскій въ даль уходитъ плавно,
Небо клонится къ домамъ;

Смотрить сѣрый, вѣковѣчный
Куполь храма въ куполь звѣздъ.
И на немъ — шестиконечный,
Намъ сейчасъ незримый крестъ.

1922.

Не вѣрю въ красоту земную
И адѣшной правды не хочу.
И ту, которую цѣлую,
Простому счастью не учу.

По нѣжной плоти человѣчьей
Мой ножъ проводить алый жгутъ:
Пусть мной цѣлованныя плечи
Опять крылами прорастутъ!

1922.

Друзья, друзья! Быть может, скоро —
И не во снѣ, а на яву —
Я нить пустого разговора
Для всѣхъ нежданно оборву,

И повинуюсь только звуку
Души, запѣвшей, какъ смычекъ,
Вдругъ подниму на воздухъ руку,
И затрепещетъ въ ней цвѣтокъ,

И я увижу и открою
Цвѣточный міръ, цвѣточный путь, —
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

1921.

УЛИКА

Была туманной и безвѣстной,
Мерцала въ лунной вышинѣ,
Но воплощенной и тѣлесной
Теперь являться стала мнѣ.

И вотъ — среди бесѣды чинной,
Порой съ растеряннымъ лицомъ,
Снимаю волосъ, тонкій, длинный,
Забытый на плечѣ моемъ.

Тутъ гость изъ-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блаженъ, кто завлеченъ мечтою
Въ безвыходный, дремучій сонъ,
И тамъ внезапно самъ собою
Въ неждѣшнемъ счастья уличенъ.

1922.

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей рукѣ,
Но чуденъ міръ, отображенный
Въ твоёмъ расширенномъ зрачкѣ.

Тамъ въ непостижномъ сочетаньи
Любовь и улица даны:
Огня ээирнаго пыланье
И просто — таянье весны.

Тамъ свѣтлый космосъ возникаетъ
Подъ зыбкимъ пологомъ рѣсницъ.
Онъ кружится и расцвѣтаетъ
Звѣздой велосипедныхъ спицъ.

1922.

Большіе флаги надъ эстрадой,
Сидятъ пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Какъ навзничь — въ самого себя.

День, раздраженный трубнымъ ревомъ,
Небесъ надвинутую синь
Заворожи единымъ словомъ,
Однимъ движеньемъ отодвинь.

И закативъ глаза подъ вѣки,
Движенье крови затая,
Вдохни минувшій сумракъ нѣкій,
Утробный сумракъ бытія.

Какъ всадникъ на горбахъ верблюда,
Назадъ въ истомѣ откачнись,
Замри — или умри отсюда,
Въ давно забытое родись.

И съ обновленною отрадой,
Какъ бы миражъ въ пустынѣ сей,
Увидишь флаги надъ эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

1922.

Ни жить, ни пѣть почти не стоитъ:
Въ непрочной грубости живемъ.
Портной тачаетъ, плотникъ строить:
Швы расползутся, рухнетъ домъ.

И лишь порой сквозь это тлѣнье
Вдругъ умиленно слышу я
Въ немъ заключенное бѣнье
Совсѣмъ иного бытія.

Такъ, проводя жизни скуку,
Любовно женщина кладетъ
Свою взволнованную руку
На грузно пухнущій животъ.

1922.

БАЛЛАДА

Сижу, освѣщаемый сверху,
Я въ комнатѣ круглой моей.
Смотрю въ штукатурное небо
На солнце въ шестнадцать свѣчей.

Кругомъ — освѣщенные тоже,
И стулья, и столъ, и кровать.
Сижу — и въ смущеньи не знаю,
Куда бы мнѣ руки дѣвать.

Морозныя бѣлыя пальмы
На стеклахъ беззвучно цвѣтутъ.
Часы съ металлическимъ шумомъ
Въ жилетномъ карманѣ идутъ.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мнѣ повѣдать, какъ жалко
Себя и всѣхъ этихъ вещей?

И я начинаю качаться,
Колѣни обнявши свои,
И вдругъ начинаю стихами
Съ собой говорить въ забытїи.

Безсвязныя, страстныя рѣчи!
Нельзя въ нихъ понять ничего,
Но звуки правдивѣ смысла,
И слово сильнѣ всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается въ пѣнье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзаетъ меня лезвіе.

Я самъ надъ собой вырастаю,
Надъ мертвымъ встаю бытіемъ,
Стопами въ подземное пламя,
Въ текучія звѣзды челомъ.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть можетъ, змѣи —
Какъ пѣнію дикому внемлютъ
Несчастныя вещи мои.

И въ плавный, вращательный танецъ
Вся комната мѣрно идетъ,
И кто-то тяжелую лиру
Мнѣ въ руки сквозъ вѣтеръ даетъ.

И нѣтъ штукатурнаго неба
И солнца въ шестнадцать свѣчей:
На гладкія черныя скалы
Стопы опираетъ — Орфей.

1921.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Музыка	7
Лади долго руки мыла	9
Не матерью, но тульской крестьянкой. ...	10
Такъ бываетъ почему-то	12
Къ Психеѣ	13
Душа	14
Психея! Бѣдная моя!	15
Искушеніе	16
Пускай минувшаго не жаль	18
Буря	19
Люблю людей, люблю природу	20
Гостю	21
Когда бъ я долго жилъ на свѣтѣ	22
Жизель	23
День	24
Изъ окна	26
Въ засѣданіи	28
Ни розоваго сада	29
Стансы	30
Пробочка	31
Изъ дневника	32
Ласточки	33
Перешагни	34
Смотрю въ окно — и презираю	35
Сумерки	36
Вакхъ	37

Лида	39
Бѣльское Устье	40
Горить звѣзда, дрожитъ эфиръ	43
Играю въ карты, пью вино	42
Автомобиль	44
Вечеръ	46
Порокъ и смерть	47
Элегія	48
На тускнѣющіе шпильи	49
Мартъ	50
Старымъ снамъ затерянь сонникъ	51
Не вѣрю въ красоту земную	52
Друзья, друзья! Быть можетъ, скоро	53
Улика	54
Покрова Майи потаенной	55
Большіе флаги надъ эстрадой	56
Ни жить, ни пѣть почти не стоитъ	57
Баллада	58

КНИГИ

ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

Молодость. Первая книга стиховъ. Изд-во «Грифъ». Москва, 1908. (Разошлось).

Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. Изд. «Альціома». Москва, 1914 (Разошлось). Изд. 2е, З. И. Гржебина. Петербургъ, 1921. (Разошлось). Изд. 3е, З. И. Гржебина, Берлинъ, 1922.

Путемъ зерна. Третья книга стиховъ. Изд. «Творчество», Москва, 1920. Изд. 2е, дополненное, Изд. «Мысль», Петербургъ, 1921.

Изъ еврейскихъ поэтовъ. Переложенія. Изд. З. И. Гржебина, Петербургъ, 1921 (Разошлось). Изданіе 2е, Берлинъ, 1923.

Статьи о русской поэзии. Книга I. Изд-во «Эпоха», Петербургъ, 1922.

Загадки. Сказка. Рисунки В. Замирайло. Изд-во «Эпоха», Петербургъ, 1922.

Тяжелая лира. Четвертая книга стиховъ. Изд. З. И. Гржебина, Берлинъ, 1923.

Стихи. Книга пятая. (Готовится).